

Коновалова І. Ю. – аспірантка Одеського національного університета імені І. І. Мечникова.

УДК: 130.31

**РЕЦЕНЗИИ П. М. БИЦИЛЛИ В ЖУРНАЛЕ «СОВРЕМЕННЫЕ ЗАПИСКИ»:
ИСТОРИСОФСКИЙ АСПЕКТ**

Стаття присвячена частковому відтворенню концепції філософії історії Біцилли П. М., яка імпліцитно включена в його рецензії емігрантського періоду.

Ключові слова: *ідея, рецензія, російські емігрантські журнали, філософія історії, культура, синтез, принципи.*

Статья посвящена частичному воссозданию концепции философии истории Бицилли П. М., которая имплицитно включена в его рецензии эмигрантского периода.

Ключевые слова: *идея, рецензия, русские эмигрантские журналы, философия истории, культура, синтез, принципы.*

The article is devoted to the partial reconstruction of the concept of philosophy of history by P. M. Bicilli that is implicitly included in his reviews during the emigrant period.

Keywords: *idea, review, Russian emigrant journals, philosophy of history, culture, synthesis, principles.*

В последние десятилетия в отечественной научной гуманитаристике ощущается подъем интереса к творчеству незаслуженно забытых в советский период учёных – историков и философов. В нашей статье речь пойдет о рецензиях П. М. Бицилли – историка, профессора Императорского Новороссийского университета (далее ИНУ), написанных им уже в «эмигрантский» период его творчества.

На данный момент о самом Петре Михайловиче и его трудах написано уже более сотни научных работ, проходят конференции, посвящённые его научному творчеству, пишутся диссертации, формируется и такая область исследования как бициллиеведение [17].

В первую очередь к работам этого учёного обращались и обращаются историки, и соответственно как историк он более-менее хорошо изучен. Далее следуют филологи (Бицилли написал большое количество работ и рецензий, освещающих самые разнообразные стороны литературоведческих, языковедческих и литературно-критических дисциплин). Менее всего Петр Михайлович изучен как историк культуры, культуролог и философ. Можно отметить несколько работ рассматривающих Бицилли с этой точки зрения [1, с. 13-16].

Нашей статьей мы хотели бы внести вклад в описание и воссоздание концепции философии истории и философии культуры Петра Михайловича. Как правило, учёные, исследующие данную область интересов этого мыслителя, вполне обоснованно освещают его основные и самым известные труды, такие как – «Салимбене», «Элементы средневековой культуры», «Место Ренессанса в истории культуры» и «Очерки теории исторической науки» и др. [6; 7; 9; 12]. Однако по нашему мнению, менее популярные (в плане ясности изложения его концепции) и менее основательные (в плане объёма) работы Бицилли также имеют большое значение в определении его философско-культурологической, историософской концепции. И в этих работах по крупицам можно собрать его идеи и мнения по поводу проблем истории, культуры, философии современной и классической. Именно поэтому мы и обратились к рецензиям Петра Михайловича. Таким образом, цель настоящей публикации – выявить идеи философии истории, развиваемые П. М. Бицилли, посредством анализа его многочисленных рецензий.

Прежде всего, обратимся к основным вехам его творчества. Петр Михайлович родился в Одессе в 1879 году. После окончания Одесской классической гимназии, поступил на Историко-филологический факультет ИНУ, который и закончил в 1904 году. В 1910 году после сдачи магистерского экзамена был утверждён приват-доцентом на кафедре всеобщей истории. В 1917 году

Бицилли защитил магистерскую диссертацию «Салимбене: очерки итальянской жизни XIII века» [9] в Петроградском университете, после чего был избран доцентом, а затем экстраординарным профессором ИНУ. С февраля 1920 года начинается эмигрантский период его творчества. Учёный вместе с семьей эмигрировал сначала в Югославию, затем в Болгарию. Умер Петр Михайлович в 1953 году в Софии.

Начиная с 1920 годов по 1940 П. М. Бицилли печатался в таких известных и популярных журналах русской эмиграции как «Русская мысль», «Современные записки», «Русская школа за рубежом», «Новый град», «Звено», «Числа», «Голос», «Русские записки» и др. Данные журналы представляют собой большую библиографическую редкость, и описание трудов этого мыслителя, опубликованных в них, представляет особую актуальность.

Сотрудничество Бицилли с журналом «Современные записки» началось в 1925 году и продолжалось до 1940 года. Именно этот период нас будет интересовать в первую очередь. Однако следует отметить, что такой жанр как рецензии Бицилли в его одесский период, когда Петр Михайлович активно давал свои отзывы на научные труды в «Известиях Одесского библиографического общества», уже хорошо осветил Д. А. Шумейко [18, 19]. Сравнение рецензий одесского и эмигрантского периода это очень интересное самостоятельное исследование, задача, которая является для нас перспективной.

Итак, объектом нашего анализа станут рецензии «эмигрантского» периода Петра Михайловича на труды российских и зарубежных учёных, опубликованных в литературно-общественно-политическом журнале русской эмиграции «Современные записки». Как правило, в поле внимания мыслителя оказывались работы по истории и истории культуры, религии. Анализируя их, Петр Михайлович высказывал собственные взгляды (теоретические позиции) на философию истории в целом.

К рецензиям этого учёного обращались современные украинские историки, например одесский историк Д. А. Шумейко [18, 19]. Однако он сосредоточился на историко-библиографическом обзоре рецензий, к их философскому обзору и тем более к воссозданию философских идей Петра Михайловича, Шумейко не обращался. Исследователь сосредоточил внимание на рецензиях Петра Михайловича одесского периода, изданных в «Известиях Одесского библиографического общества», которые он подробно описал, а рецензии эмигрантского периода представлены лишь в форме библиографической справки.

Что же нам дает описание и анализ рецензий вообще какого-либо ученого? Рецензия создана для того, чтобы информировать о новом произведении, давать его краткий анализ и что самое главное оценку [См.: 20]. По нашему мнению, ещё недостаточно осознаны потенциал данного жанра для выявления и описания идей, концепций пишущего их ученого. Ведь рецензия редко бывает нейтральна по своему характеру, в ней очень чётко выражено согласие или несогласие с точкой зрения другого ученого. В рамках такой ситуационности, полемики и может проявляться концепция рецензента. Таким образом, иногда через анализ рецензий можно легче «схватить» суть концепции ученого, чем через изучение его монументальных теоретических трудов, где такая концепция «погрязает» в деталях, подробностях и т. д. Этим во многом и мотивировано наше обращение к корпусу рецензий П. М. Бицилли в «Современных записках».

В «Современных записках» Бицилли напечатал больше рецензий, чем в других эмигрантских журналах. Обратимся к тем из них, которые представляют для нас наибольший интерес*.

В рецензии на книгу русского историка и экономиста М. И. Ростовцева «Очерки истории Древнего мира» (1924) [4], Петр Михайлович обращается к немного несвойственной ему теме – древней истории. Он отмечает, что в полной мере оценить книгу «Очерки истории древнего мира» может только историк-специалист, однако, тем не менее, подчёркивает, что этот труд «...на долгое время станет важнейшим и необходимейшим пособием для каждого студента-историка, каждого преподавателя...» [4, с. 495]. П. М. Бицилли выделяет обстоятельно написанные главы, посвящённые Римской истории. Ему особенно нравится, что Ростовцев благодаря своей осведомлённости во всех отраслях «вспомогательных» наук «сумел настолько насытить изложение римской истории фактами, что в его схеме положительно нигде нет «пустых мест», где бы схема просвечивала» [4, с. 496]. Далее

* Часть рецензий, которые мы хотели бы осветить в своей статье, в связи с качеством текста не поддаются адекватному прочтению. Они требуют использования дополнительных систем оптического распознавания текста.

рецензент утверждає, що розсудження, знаходження причин излишні там, де історик може «реконструювати живої процес протекання історії во всій її неперервності» [4, с. 496]. Суммувати можна сказати, що для Петра Михайловича реконструкція історії повинна ґрунтуватися на фактах, які будуть повністю (без «пустих місць») заповнювати собою схему історичної реальності або схему викладу цієї реальності. Плюс такої реконструкції (коли з допомогою фактів створюється ілюзія живої протекання історичних подій) в тому, що від історика не вимагається ніяких філософських розсуджень – «книга сама собою вирісовує в свідомості читача філософський «смісл» історії» [4, с. 496].

Учєбнику «Історія Древнього світу» (1925), нині практично забутого історика Сухотина Л. М., присвячена друга рецензія одеського ученого [3]. Рецензент стосується з явним симпатією до даного ученого і дуже позитивно відгукується про нього як про талановитого дослідника і викладача. Курс Сухотина, по мненню рецензента повністю знаходиться на рівні сучасної науки, фактично і повністю вільний від різних розсуджень і формул (філософських?), які завдають шкоди науковим дослідженням. Тут ми також відзначаємо недовіру Біцилли до абстрактних філософських схем історичного процесу, яке взагалі не є відкиданням філософії історії як такої. Навпаки, Біцилли пропонує інший підхід до неї.

Далі Петро Михайлович висловлює критичні зауваження з приводу викладу матеріалу, вказуючи на ті історичні періоди, проблеми і запитання, які не дуже вдало зображені Сухотиним. В частині відзначається, що розповідаючи про гомеровську Грецію, слід було б виділити значення дружинного початку і встановити зв'язок конного строю з великим землеволодінням; практично нічого не сказано про Геродота (не згадана ідея еллінської культури, висловлена ним). Нам ця критика Біцилли цікава тим, що в ній представлена орієнтація на «єдинство в різноманітності» в історичному процесі. Тут можна згадати працю Біцилли «Очерки теорії історичної науки», в якій дана концепція цікаво описана [7].

Цікаві розсудження Петра Михайловича про те, як незадовільно викладено Сухотиним вчення Платона, іграюче, несомненно, велику роль в культурі і історії Древньої Греції. Рецензент не погоджується з автором, який утверджує, що божество за Платоном це «сума ідей». Також Сухотиним нічого не сказано про визначення «ідей» і пізнання справжнього світу за Платоном. Слід відзначити, що, незважаючи на те, що книга Сухотина в першу чергу учєбник, а не суворий науковий труд – Біцилли серйозно підходить до критики автора. Він вважає, що автор не дуже послідовний у своєму дослідженні. Якщо Сухотин поставив в передмові своєї роботи мету – «розширити відділ культурної історії, найбільш важливою для досягнення головної мети вивчення історії: отримати поняття про хід розвитку людства» [3, с. 590] (з чим рецензент погоджується), то чому він залишив без уваги величезні вчення Платона про етику і державу.

Дуже цікавою представляється рецензія Біцилли на історико-психологічний труд Малиніна І.: «Комплекс Едіпа і доля Михайла Бакуніна: до питання про психологію бунту: психоаналітичний досвід» (1934). Відзначимо, що І. М. Малинін був колегою Біцилли по ІНУ, приват-доцентом і викладачем таких цікавих курсів як «Галілей і його філософія», «Загальна естетика», «Введення до філософії».

Петро Михайлович виділяє дві сторони в цій книжці. Перша сторона: спроба показати єдинство долі і особистості Бакуніна во всіх її різноманітних життєвих проявах (ця частина показана Малиніним дуже тонко і переконливо). Друга сторона книжки більш «скользкою» по мненню рецензента: з спробою «свести» «...весь зміст особистості Бакуніна до таящої в сфері підсвідомого початкової загальної основи» [5, с. 430] можна погодитися, тільки якщо ти погоджуєшся з визначеним методологічним переконанням. Петро Михайлович одразу ж у досить різкій формі висловлює свою думку з приводу цієї методології, називаючи її «верой в міф» – тому що за його переконанням дуже сумнівно досліджувати те (маючи на увазі комплекси), що не дано нам в досвіді. Тут властива Біцилли критика абстрактних схем стосується вже не історії, а психології.

Далі він вкратці пояснює своє ставлення до включення підсвідомої сфери в дослідження особистостей і їх творчості. Бакуніна з іншими великими людьми сучасної йому культурної епохи «людомітов» (Вагнер, Маркс, Ніцше) об'єднує пристрасть до викладання, проповідництва, максималізму, нетерпимість до самовільництва і пр. Позначає це, що всі ці люди страждали однією і тією ж душевною травмою? І якщо «комплекс Едіпа» за Фрейдом представляє собою в тій або іншій мірі загальнолюдське властивість, то чому в визначеній

исторический момент вытеснение и сублимация соответствующего комплекса обуславливают появлению того, что несвойственно для всех – тяги к бунтарству.

Из положительных моментов книги Малинина, Петр Михайлович выделяет следующие: автором поднята новая проблема изучения психологии титанической культуры середины 19 века и выделено общее положение, представляющее методологическую ценность – «...конкретная психология должна быть одновременно и индивидуальной и социальной» [5, с.430]. Отметим, что эту методологическую установку Бицилли реализовал ещё в своём труде «Салимбене» [9], написанном в 1916 году. В этой книге посвящённой известному итальянскому хронисту 13 в., его мироощущению и историческому мышлению, Бицилли проанализирована ментальность «среднего человека» эпохи Средневековья, человека своего времени, его понимание жизни и переживание истории. Наряду с этим, Бицилли дал весьма тонкое и яркое описание жизненных и идейных тенденций той эпохи.

Уже на близкую тему для Петра Михайловича по эпохе Ренессанса написана рецензия, посвящённая книге И. Пузино «Религиозные искания в эпоху Возрождения: Марсилиус Фичино» (1923) [8]. Центр тяжести этого интереснейшего исследования для П. М. Бицилли лежит в изображении индивидуальных черт религиозно-философской мысли Возрождения.

Петр Михайлович утверждает, что Пузино разделяет популярную в его время идею, согласно которой исследование отдельных сторон и представителей Ренессанса важнее опытов синтеза. «Его исследование о Марсилиусе Фичино показывает в Фичино живую индивидуальность, своеобразного мыслителя, а не просто «представителя религиозно-философской мысли Ренессанса», т. е. некий знак, и не просто «популяризатора платонизма», каким Фичино обычно изображается» [8, с. 485]. И Пузино совершенно правильно, по мнению рецензента, решает данную задачу: если индивидуальность познаётся в её движении, значит надо исследовать и проследить духовную эволюцию исследуемого мыслителя.

Бицилли, утверждая, что никакое исследование немыслимо без некоего *а priori* (Бицилли употребляет словосочетание «предварительный синтез», этот весьма важный термин будет более подробно рассмотрен ниже), пишет, что для книги Пузино этим синтезом является распространённая в то время убеждение: «...между «Средневековьем» и «Возрождением» не было «пропасти», перерыва «антитеза» была продолжением «тезиса» [8, с. 485]. Характерным объединяющим моментом для Средневековья и Возрождения является для Пузино религиозное начало. Пузино находит причины значительности религиозного начала в Возрождении во внешней обстановке, в тяжёлых политических и экономических условиях в Италии 15 века.

Продолжая религиозную тематику, обратимся к рецензии Петра Михайловича на книгу очень известного русского религиозного мыслителя, историка и публициста Г. П. Федотова – «Святые Древней Руси» (1931) [11]. По мнению рецензента, Федотов, характеризуя различные типы святости, соотносящиеся с различными слоями русского общества (из которых и выходили будущие святые), прослеживая эволюцию этих типов, выступает в этой книге как историк-социолог.

Бицилли отмечает большую точность и остроту критики мыслителя, с которой он выделяет в массе «житийного» материала те соединённые с агиографическими шаблонами данные, с помощью которых можно восстановить те или иные исторически ценные – родовые или личные, национальные черты. Для рецензента понятно как подчас тяжело отделить шаблон от конкретных, реальных черт, какая едва уловимая грань в подобного рода источниках лежит между ними. Хотелось бы отметить здесь знание и близость Петра Михайловича некоторым современным ему методологическим подходам, например, как мы можем видеть здесь, к критическому отношению в использовании исторических источников (когда нужно чётко понимать, где в источниках официальный шаблон, где традиция, а где неподдающиеся контролю и тем самым правдивые мировоззренческие установки). Здесь также стоит указать, что и сам Бицилли исповедует подобный подход в том же «Салимбене» – культура изучается через индивидуальную жизнь, как её своеобразное зеркало.

Особое место отводится в книге такому, по преимуществу русскому явлению, как юродство. «В юродстве проявляло себя своеобразное русское протестанство – против условностей традиционного религиозно-бытового уклада, осложнявшееся подчас и протестом против мирской неправды, против неправды и насилия Государства, протестанство чисто личное, ничего не противопоставляющее тому, против чего оно направлено, – кроме личного примера предельного смирения, самоуничтожения, самоумаления, отхода от зла и служения добру» [11, с. 493]. Рецензент согласен с Федотовым, что юродство имеет специфически русский характер; однако утверждение «известно, что католический Запад не знал юродства» [11, с. 493] слишком категорично. Рецензент приводит несколько примеров-аргументов: Св. Франциск начинал с юродства и был верен этому идеалу всю свою жизнь; блаженные

скоморохи во многом напоминают юродивых; Дон-Кихот (который, по словам Петра Михайловича, связан по происхождению с Игнатией Лойолой) начинал с юродства. Неслучайно именно эти примеры приводит П. М. Бицилли; ко времени написания этой рецензии у него были такие исследования как «Св. Франциск Ассизский и проблема Ренессанса» (1927) [10] и «Игнатий Лойола и Дон-Кихот» (1925) [2].

Юродство на Западе было, однако церковь боролась с этим явлением, Петр Михайлович объясняет это тем, что всякое течение на Западе было обязательно умственным, и поэтому в юродивом (рецензент ставит знак равенства между юродивым и идиотом [от др.-греч. ἰδιότης — частный, личный, несведущий, незнакомец]) Западная церковь предполагала еретика. Вообще тема юродства, блаженства представленного в католической и православной культуре очень интересна, и позиция П. М. Бицилли по этому поводу кажется нам неоднозначной (особенно в характеристике отношения Западной церкви к юродству), но, к сожалению, в рамках данной работы мы не можем детально изложить этот вопрос.

Также Петр Михайлович отмечает в книге Федотова резкое разграничение двух понятий – русской святости и русской народности. «Русские святые не русский народ» – пишет Федотов, и рецензент говорит, что он прав, противопоставляя свою точку зрения «упрощённой» (слова Петра Михайловича) точке зрения славянофильства. Святость и праведность русской культуры для Бицилли не данность, а задание, а народность не основа исторического развития, а само «становящееся» развитие (интересно отметить здесь оперирование Петром Михайловичем терминами и понятиями древнегреческой философии и неокантианской школы). «Идеализация русской жизни, – говорит Федотов, была бы извращённым выводом из сияния её святости» [цит. по: 11, с. 493]. Петр Михайлович продолжает: нельзя проводить знак равенства не только между святостью и народностью, но и между русской святостью и русской религиозностью в целом. Религиозная тревога, богоискательство – явления намного более позднего периода (начиная с 18 века), того периода, когда произошёл разрыв с традиционной религиозностью (церковностью) присущей обществу древней Руси.

Какие же теоретические обобщения, касающиеся идей философии истории, Бицилли мы можем сделать на основании анализа данных рецензий. В первую очередь, они выявляют широту и глубину исследовательских интересов Петра Михайловича, его высокий профессионализм в таких областях как древняя, средняя, новая история Запады и России. Кроме того, мы можем видеть дисциплинарное разнообразие освещённых рецензий – книги по истории, психологии, истории культуры, религии и пр. Такая широта позволяет Петру Михайловичу делать обобщающие выводы, давать сравнительные характеристики, сопоставлять методы различных дисциплин.

Для Петра Михайловича важна идея «единства в многообразии», когда единство можно понимать как некий культурный (исторический) период или как некую значительную личность (уникальность), а многообразие как жизнь, её проявления и творческую деятельность. Петр Михайлович исходит из идеи синтеза (единства) историко-культурных явлений той или иной культуры (народа). Так в отношении античности он говорит о едином синтезе комплекса, где «соединены» идеи платонизма, афинской демократии, военной и земледельческой структуры. Соотнося это с другими работами Петра Михайловича, мы можем сказать, что здесь неявно представлена идея «картины мира», концепта ментальности.

В исследованиях культурной истории Петр Михайлович ставит вопрос о роли личности в истории и о роли (влиянии) истории на личность. Для него важно понять, как с помощью изучения яркой личности может «раскрыться» тот или иной исторический (культурный) период. Не совсем воспринимая популярный в его время психоаналитический метод, Бицилли интересуется проблемами изучения психологии культуры 19 века (культуре титанов, по его словам). Подчёркивая индивидуальное начало в истории, он особое внимание уделяет таким её героям как М. Бакунин, М. Фичино, Франциск Ассизский, русские святые и др.

Бицилли даже в рецензиях ставит проблемы философско-методологических основ исторического исследования и ремесла историка. Для Петра Михайловича научное исследование немислимо без некоего а priori, без «предварительного синтеза», т. е. без научной идеи, положения, теории, в которую «верит» учёный. Однако остается ещё не совсем ясным, как Петр Михайлович относился к такому «предварительному синтезу» – положительно или отрицательно. В рецензии на книгу Ростовцева Петр Михайлович писал о том, что в историческом исследовании может быть задействована схема, однако в ней не должно быть «пустых мест», она вся должна быть наполнена самыми разнообразными фактами. И тогда от историка не потребуется никаких излишних умозрительных

обобщений и философских рассуждений – книга все сделает сама за себя. Также можно вспомнить, как негативно Петр Михайлович воспринял исследование психологических комплексов (того, что не дано нам в опыте). Безусловно, следует отметить его близость современному ему, распространённому в зарубежной исторической науке критическому подходу в анализе исторических и культурных источников (вспомним его рецензию на книгу «Святые древней Руси»), когда в источнике нужно отделить официальный шаблон от традиции, от мировидения определённой эпохи.

Анализ рецензий позволяет обозначить только контуры философии истории Бицилли. Для более обстоятельного исследования нам представляется возможным сформулировать предположение о наличии двух типов концепций философии истории. Первый тип создаётся философом, имеющим дело с универсальными схемами и моделями, которые он затем «набрасывает» на реальный исторический процесс. Второй тип – концепция философии истории, создаваемая профессиональным историком. Как правило, она прорастает, выращивается в контексте конкретных исторических исследований. Специфика второй концепции – предельно критическое отношение к теоретическим схемам, не подкреплённым обширным фактически материалом. Понимая условность такого деления, мы можем констатировать то, что Бицилли отдаёт приоритет второму типу концепции философии истории. В перспективе нашего исследования – более детальное рассмотрение такой типологии, в частности, на примере творчества данного историка.

Таким образом, подводя итог, мы можем сказать, что нами осуществлена поставленная задача частичного воссоздания концепции философии истории и философии культуры Петра Михайловича, имплицитно включённая в его рецензии эмигрантского периода. Дальнейшее изучение и анализ малого жанра в научном творчестве Бицилли внесет значительный вклад в комплексное исследование его творчества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Алексеев П. В. Бицилли / П. В. Алексеев // Философы России XIX-XX столетий: Биографии. Идеи. Труды. — М., 1999. — С. 105-106.
2. Бицилли П. М. Игнатий Лойола и Дон-Кихот / П. М. Бицилли // Место Ренессанса в истории культуры. — СПб., 1996. — С. 201-232
3. Бицилли П. М. История Древнего мира. Изд-во книжн. маг. Стефанович и Ко. Белград. 1925 / П. М. Бицилли, Л. М. Сухотин // Современные записки. — 1926. — Кн. 27. — С. 589-591
4. Бицилли П. М. Очерк истории Древнего мира. Берлин. Слово, 1924 / П. М. Бицилли, М. И. Ростовцев // Современные записки. — 1925. — Кн.23. — С. 495-498
5. Бицилли П. М. Комплекс Эдипа и судьба Михаила Бакунина. — Белград, 1934 / П. М. Бицилли, И. Малинин // Современные записки. — 1934. — Кн. 55. — С.429-430
6. Бицилли П. М. Место Ренессанса в истории культуры / Пётр Михайлович Бицилли. — СПб. : Мифрил, 1996. — 256 с.
7. Бицилли П. М. Очерки теории исторической науки / Пётр Михайлович Бицилли. — Прага : Пламя, 1925. — 338 с.
8. Бицилли П. М. Религиозные искания в эпоху Возрождения: Марсилиус Фичино / П. М. Бицилли, И. Пузино // Современные записки. — 1927. — Кн. 32. — С. 484-486
9. Бицилли П. М. Салимбене. Очерки итальянской культуры XIII века / П. М. Бицилли // Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад ; Сост. Ф. Б. Успенский. — М. : Языки славянских культур, 2006. — С.223-514. — (Классики отечественной филологии).
10. Бицилли П. М. Святой Франциск Ассизский и проблема Ренессанса (1226-1926) / П. М. Бицилли // Место Ренессанса в истории культуры. — СПб., 1996. — С. 173-203
11. Бицилли П. М. Святые Древней Руси / П. М. Бицилли, Федотов Г. П. // Современные записки. — Париж : изд. YMCA, 1931. — Кн. 48. — С. 492-493
12. Бицилли П. М. Элементы средневековой культуры / Пётр Михайлович Бицилли. — М. : Мифрил, 1995. — 242 с.
13. Курамшина Ю. В. Концептуальні основи культурологічної теорії П. М. Біциллі : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. культурології: спец. 26.00.01 «Теорія та історія культури» / Курамшина Юлія Володимирівна; Таврійський національний ун-т ім. В. І. Вернадського. — Сімф., 2009. — 20 с.
14. Каганович Б. С. Бицилли Петр Михайлович / Б. С. Каганович // Русская философия: Малый энциклопедический словарь. — М. : Наука, 1995. — С. 62-63.

15. Каганович Б. С. П.М.Б Бицилли как историк культуры / Б. С. Каганович // Одиссей, 1993. — С. 256-271.
16. Повилайтис В. И. Философия истории и культуры П. М. Бицилли / В. И. Повилайтис // Проблемы русской философии и культуры. — 2003. — Вып. 6. — С. 43-51.
17. Попова Т. Н. Бициллиеведение: проблемы институционализации / Т. Н. Попова // Curriculum Vitae. Сборник научных трудов. — 2010. — Вып.2. — С. 15-26
18. Шумейко Д. А. Публикации П. М. Бицилли на страницах «Известий Одесского библиографического общества» / Д. А. Шумейко // Записки історичного факультету. — 2000. — Вып. 10. — С. 51-59.
19. Шумейко Д. О. Рецензії як жанр наукової творчості Біцилли / Д. О. Шумейко // Записки історичного факультету. — 2002. — Вип. 12. — С. 447-476.
20. Ожегов С. И. Толковый словарь Ожегова / Сергей Иванович Ожегов. — М. : Оникс, Мир и образование, 2008. — С.450. — Режим доступа к словарю: <http://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=27079>

Корсак М. В. – аспірантка кафедри філософії та соціології Державного закладу «Південноукраїнський національний педагогічний університет імені К. Д. Ушинського».

УДК : 370+371.3+155.2

ИННОВАЦИИ В ОБРАЗОВАНИИ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ

У статті аналізуються характерні риси сучасного суспільства як фактори змін у структурі освіти і виникнення інноваційних педагогічних технологій. Охарактеризовано деякі нові методики та технічні прийоми навчання, спрямовані на розвиток креативної особистості. Розглянуто питання про те, чи є необхідність всім бути творчими людьми і можливі зміни в суспільстві внаслідок змін в балансі людей творчих і нетворчих.

Ключові слова: інновації, суспільство, освіта, особистість, творча особистість, креативність, творчість, здібності, прийоми навчання, самореалізація, інтеграція, гуманізація.

В статье анализируются характерные черты современного общества как факторы изменений в структуре образования и появления инновационных педагогических технологий. Охарактеризованы некоторые новые методики и технические приемы обучения, направленные на развитие креативной личности. Рассмотрен вопрос о том, есть ли необходимость всем быть творческими людьми и возможные перемены в обществе вследствие изменений в балансе людей творческих и нетворческих.

Ключевые слова: инновации, общество, образование, личность, творческая личность, креативность, творчество, способности, приемы обучения, самореализация, интеграция, гуманизация.

The nature of contemporary society and its distinctive features as factors of changes in the structure of education and the emergence of innovative teaching technologie are analyzed in the articles. Some new methods and techniques of training aimed to develop the creative person are characterized. The question whether a need for everyone to be creative exists, and possible changes in the society due to changes in the balance of creative and uncreative people is reviewed.

Keywords: innovation, society, education, personality, creative personality, creativity, skills, training techniques, self-realization, integration, humanism.

В условиях современного общества, не только предлагающего человеку множество возможностей и услуг, но и требующего от него все новых умений, знаний и личностных качеств,